Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/KERYMM
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

КНИГА О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ: НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ М. ГОРЬКОГО 1930-Х ГГ.

© 2022 г. Л.В. Суматохина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 11 января 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 08 февраля 2022 г.
Дата публикации: 25 сентября 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-386-405

Аннотация: В статье предпринята попытка реконструировать неосуществленный замысел М. Горького середины 1930-х гг. написать книгу о русской дореволюционной деревне для литературно-художественной серии «Библиотека колхозника», входившей в состав издательского проекта «История деревни». Впервые глубоко проанализированы посвященные этой теме и опубликованные в 1934–1935 гг. в журнале «Колхозник» рассказы Горького «Шорник и пожар», «Экзекуция», «Орел», «Бык», а также начальный фрагмент его незавершенной повести о русской деревне. На материале переписки Горького с В.Я. Зазубриным и архивных источников по «Истории деревни» (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, Москва) показаны возникновение замысла книги о русской деревне и начало работы писателя над его воплощением; установлены предположительный объем сборника и его место в литературно-художественной серии «Библиотека колхозника». Сделан вывод об особом значении, которое Горький придавал издательскому проекту «История деревни» и в его рамках «Библиотеке колхозника», что подтверждается намерением писателя создать специально для этой серии новую книгу художественных произведений.

Ключевые слова: М. Горький, В.Я. Зазубрин, журнал «Колхозник», издательский проект «История деревни», книжная серия «Библиотека колхозника», рассказ, очерк.

Информация об авторе: Любовь Валерьевна Суматохина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1803-616X

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

Для цитирования: *Суматохина Л.В.* Книга о русской деревне: неосуществленный замысел М. Горького 1930-х гг. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 386–405. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-386-405

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

THE BOOK ABOUT THE RUSSIAN VILLAGE: M. GORKY'S UNFULFILLED PLAN OF THE 1930s

© 2022. Lyubov V. Sumatokhina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: January 11, 2022
Approved after reviewing: February 08, 2022
Date of publication: September 25, 2022

Abstract: The article attempts to reconstruct M. Gorky's unfulfilled plan of the mid-1930s to write a book about the Russian pre-revolutionary village for the literary and artistic series "Kolkhoznik Library," which was part of the publishing project "History of the Village." The author deeply analyzes Gorky's stories "Saddler and Fire," "Execution," "Eagle," "Bull," published in 1934–1935 in the "Kolkhoznik" magazine, and also the initial fragment of his unfinished story about the Russian village. The material of Gorky's correspondence with V.Ya. Zazubrin and archival sources on the "History of the Village" (the Archive of A.M. Gorky IWL RAS, Moscow) show the emergence of the idea of a book about the Russian village and the beginning of the writer's work on its embodiment; the pre-term volume of the collection and its place in the literary and artistic series "Kolkhoznik Library." The article demonstrates the special importance that Gorky attached to the publishing project "The History of the Village" and within its framework "Kolkhoznik Library," which is confirmed by the writer's intention to create a new book of works of fiction specifically for this series.

Keywords: M. Gorky, V.Ya. Zazubrin, "Kolkhoznik" magazine, publishing project "History of the Village," book series "Kolkhoznik Library," short story, essay.

Information about the author: Lyubov V. Sumatokhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1803-616X

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

For citation: Sumatokhina, L.V. "The Book about the Russian Village: M. Gorky's Unfulfilled Plan of the 1930s." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 386–405. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-386-405

Замысел сборника художественных произведений, посвященных дореволюционной русской деревне, возник у М. Горького в 1935 г. в связи с адресованными колхозному крестьянству издательскими проектами писателя 1934–1936 гг.: журналом «Колхозник» (см.: [7]) и нереализованным большим проектом «История деревни» (см. об этом: [1; 2]). В сущности, перед нами завершающий этап сложного и противоречивого горьковского дискурса о русском крестьянстве, подробно проанализированного горьковедами [3; 4, с. 207, 241–242, 281–281; 6, с. 54–58; 10, с. 248–254].

Историческая обстановка, в контексте которой созревал этот замысел, была сложной и напряженной. Всеобщая коллективизация крестьянства в 1929–1933 гг., сопровождавшаяся раскулачиванием миллиона крестьянских хозяйств и выселением раскулаченных в труднодоступные районы Севера, Сибири и Казахстана, а также массовый голод 1932–1933 гг. стали подлинной трагедией для крестьянства.

Горький воспринял идею коллективизации как возможность уничтожить «строй жизни <…> который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть <…> своим инстинктом собственника», как «безумнейшую задачу» «перевоспитать» два десятка миллионов таких людей [14, т. 19, с. 177]. Почти все его большие проекты 1930-х гг., в том числе «История гражданской войны» и «История фабрик и заводов», были обращены преимущественно к колхозному крестьянству и имели идеологическую задачу политического «перевоспитания» крестьянства.

Журнал «Колхозник» был создан по инициативе Горького в 1934 г. Четыре из пяти первых его номеров открывались рассказами Горького

«Шорник и пожар» (1934. № 1)[1], «Экзекуция» (1935. № 1), «Орел» (1935. № 2), «Бык» (1935. № 3). Они были написаны специально для «Колхозника», чтобы поддержать журнал на первых порах, в духе одной из поставленных перед ним задач: «В журнале этом будут печататься рассказы о жизни крестьян и рабочих в прошлом, до Советской власти <…> наша молодежь не знает, как страшно жил трудовой народ в старину, на земле, раздробленной в мелкие куски, на грязных, темных фабриках…» [11, т. 27, с. 282]. До сих пор эти произведения Горького не стали предметом специального анализа.

Все названные выше рассказы посвящены дореволюционному прошлому русской деревни. В центре внимания автора — характеры, поступки, речь крестьян, их отношения между собой, бытовые и экономические условия их существования. Действие разворачивается «в селе над Волгой» («Шорник и пожар»), деревне Дубовка («Экзекуция»), на окраине уездного города Мямлина («Орел»), в деревне Краснуха («Бык»).

Жанровые особенности этих произведений связаны с промежуточным положением между очерком и рассказом, точнее, с движением от очерка к рассказу. Это весьма характерный для Горького переходный жанр, проявившийся, например, в процессе создания цикла «По Руси» и ряда других произведений.

Горький назвал «Шорник и пожар» и «Экзекуцию» очерками [11, т. 27, с. 337; 12, т. 20, с. 400], возможно, чтобы подчеркнуть достоверность описанных событий, реальность фактов, прошедших сквозь фильтр авторского сознания. Переписка Горького с В.Я. Зазубриным сохранила для нас имя губернатора, описанного в «Экзекуции»: речь идет о Н.Н. Баранове, нижегородском генерал-губернаторе в 1893–1896 гг. [9, с. 395–396]. Типично и событие, описанное Горьким в рассказе; оно, в ряду других подобных, нашло отражение в дневниковой записи В.Г. Короленко от 20 декабря 1894 г., в которой упоминается и губернатор Баранов, и расправа над крестьянами в деревне Дубенки [15, т. 2, с. 322–324].

Есть нечто от жанровой зарисовки в рассказе «Орел», сюжет которого статичен, в нем больше описания, чем действия.

Единственное исключение в этом ряду — большой рассказ «Бык», повествование с тщательно разработанными сюжетом и характерами. Рас-

1 Первые два номера «Колхозника» вышли в октябре (№ 1) и ноябре (№ 2) 1934 г. В 1935 г. был налажен ежемесячный выпуск журнала.

сказ с таким названием, возможно ранняя несохранившаяся редакция, упоминается в очерке Горького «Лев Толстой» [12, т. 16, с. 268].

Тем не менее во всех рассматриваемых произведениях Горького гораздо больше от рассказа, чем от очерка. Не случайно открытую публицистическую оценку героя Горький изъял из окончательного текста рассказа «Шорник и пожар», включив ее затем в статью «Беседа», напечатанную в том же номере «Колхозника» (1934. № 1).

Прочитав «Экзекуцию», редактор литературно-художественного отдела журнала В.Я. Зазубрин усомнился в авторском жанровом определении и уверенно назвал произведение рассказом [17, с. 343].

Рассказы для журнала «Колхозник» написаны в нарочито нейтральном, внешне спокойном, местами ироничном тоне, который только усиливает остроту показанных Горьким конфликтов и противоречий.

Основой сюжета рассказа «Шорник и пожар» является пожар в доме деревенского богача Маркова. Из более ранних произведений Горького с похожим сюжетом (рассказ «Пожар», 1915, цикл «Пожары» из книги «Заметки из дневника. Воспоминания», 1924, и др.) здесь в сдержанном, можно сказать, редуцированном виде сохраняются мотив любования опасной стихией и мотив очищающего огня: «Есть какие-то секунды, когда на явление огня смотришь неподвижно и бессмысленно, очарован изумительной живостью и бесподобной красотой его <…>. Огонь, довершая чистое свое дело, становился все ниже ростом, как будто уходил в землю, под золотые груды углей» [12, т. 20, с. 382, 390]. В «Шорнике и пожаре» нет, как в дореволюционном рассказе «Пожар», отчетливо выраженного мотива «гори, старая жизнь!»: «Вся эта улица наша — ни к чему, сгореть бы ей дотла!» [12, т. 11, с. 207]. Нет в нем и описания странностей поведения людей на пожарах, психологических «вывертов», изображенных в цикле 1924 г. В «Шорник и пожар» перешел, пожалуй, только мотив равнодушия, о котором Горький писал начинающему литератору Д.В. Кузнецову в январе 1935 г.: «…дайте то, чего в моих “Пожарах” — нет, ибо в них чужие люди неохотно, из-под палки гасили огонь, пожиравший чужое — казенное — добро» [11, т. 30, с. 373].

В рассказе 1934 г. пожар показан как экстремальное, но характерное для деревни событие. Его описание позволяет автору в небольшом рассказе дать ряд четко очерченных характеров и отразить некоторые типичные

черты деревенского уклада жизни. Пожар вскрывает целый ряд противоречий, разрывающих деревенский мир изнутри.

Не выдерживает столкновения с реальностью идея крестьянской общины, носителем которой в рассказе является один из дачников, «солидный, бородатый, лысый писатель Евтихий Карпов» [12, т. 20, с. 386–387]. Мотив равнодушия к чужой беде и враждебности по отношению к богатому мужику пронизывает все повествование. Характерна реакция на пожар церковного старосты, лавочника Кобылина: «От меня — далеко, слава те Христу <...>. Идем чай пить, батя» [12, т. 20, с. 383–384]. Затем описывается группа стариков и старух, которые молча следят, «как семья Маркова и человек пять соседей его, сломав плетень, таскают имущество в огород», следят, «шевеля губами, точно считая чужое добро или молясь» [12, т. 20, с. 385]. Солдатка Аксенова, изба которой сгорела первой, сокрушается: «...богатому и пожар — выгода. Марковы-то в земстве застрахованы! <...> А я за что наказана?» [12, т. 20, с. 388]. После пожара шорник говорит герою-повествователю: «Видал, как пожар гасили? <...> У соседа беда — не беда, а забава» [12, т. 20, с. 391].

Через весь рассказ проходит образ несчастной кликуши. Сначала описывается, как какая-то баба бьется в припадке на церковной паперти во время всеобщей паники; потом оказывается, что это сноха Марковых. Одна из баб предполагает, что кликуша и подожгла: «Обидели бабу вкровь, в самые печени обидели, вот она и возместила...» [12, т. 20, с. 388]. Староста Кобылин намекает на это старику Маркову, вызывая гневное раздражение последнего. Вскрывается, как гнойник, семейная драма. Вывод бывалого человека, шорника, завершает эту сюжетную линию: «Бают, кликуша подожгла, сноха Маркова, жена второго сына его. Муж ее в Сибирь загнан, дачницу убил, жил с ней, что ли... Вот вдова и корчится от вдовства своего. Да, наверно, и свекор покоя не дает, они тут все снохачи» [12, т. 20, с. 392].

Шорник, как следует из заглавия, становится главной фигурой рассказа. Именно он здесь в первую очередь интересует автора как своеобразная персонификация мотива равнодушия. Мы располагаем интересным комментарием Горького к этому рассказу в статье «Беседа», опубликованной в том же номере журнала.

Горький писал, поясняя изображенный им характер:

Старик, показанный мною в очерке «Шорник и пожар», — неглупый старикан, но он живет и работает для себя, к людям равнодушен. Он шил для них шубы — по своей «единоличной» нужде, а будь у него сила — он с удовольствием снимал бы с людей не только шубы, а и кожу сдирал. Таких, как шорник, и подобных ему я встречал немало. В медленном потоке тяжелой, темной, безграмотной жизни крестьянства такие люди были заметны резко, как пестрые заплаты на грязном, нищенски изношенном кафтане. Они как будто украшали безрадостную жизнь деревни <...>. Бойкая, затейливая речь таких людей, как шорник, всегда очень громко звучала в непрерывном скорбном хоре жалоб крестьянства на судьбу, на скудную жизнь, друг на друга. «Шорники» ловко умели похвастаться обилием своих наблюдений, щегольнуть знанием быта людей и даже внушали деревне неясные надежды, заставляя иногда слушателей их балагурства подумать: «Вот какие умные бывают из нашего брата!»

Но умники эти были так гладко и кругло обточены шершавой жизнью, что уже не могли притереться к ней, остановиться на одной мысли и катились в пыли своих слов, точно круглые камни под гору. Они ко всему притерпелись: на жизнь, на людей — не обидчивы, они относятся к людям равнодушно и даже пренебрежительно, будучи крепко убеждены, что они умнее, значительнее обыкновенных людей. Так оно и есть — они умнее, но это — ум-пустоцвет, он ничего не вносит в жизнь, ничего ценного не может посеять в ней. Каждый из них считает себя героем жизни и утверждает в людях только свою ложную значительность, говорит только о себе и ни о чем, кроме себя, не умеет думать. В людях такого характера, как шорник, я не встречал ни одного, который искал бы коренную, общую причину невыносимо мучительной жизни трудового народа. Самое выпуклое и сильное в шорнике — равнодушие к людям. Вот только это равнодушие люди его типа сеяли и укрепляли в деревнях, враждебно оторванных друг от друга труднейшей борьбой за кусок хлеба [11, т. 27, с. 377–378].

Убрав из окончательного текста эту прямолинейную характеристику, писатель дает в рассказе косвенную оценку персонажа путем ряда экспрессивных деталей. Вначале он представлен читателю как «старичок шорник», нейтрально и даже с симпатией: «...я сидел с ним на бревнах против церковной паперти, слушая премудрые рассказы деревенского ремесленника

о его бродячей жизни, рассказы человека, которому ближние сильно пересолили душу очень горькой солью» [12, т. 20, с. 382]. Однако по мере движения сюжета и раскрытия персонажа через его поведение на пожаре и речь описание меняется: «Странное у него, шорника, лицо: шишковатый лоб гладок <...> а под седой щетиной щек и бритым подбородком — глубокие дряблые складки. Когда он говорит — щетина шевелится, точно растет, и это неприятно видеть. <...> Окурком козьей ножки он прижигает мохнатую толстую гусеницу и, глядя, как судорожно она извивается, равнодушно говорит...» [12, т. 20, с. 391–392].

Взаимное раздражение и недоверие в диалоге шорника с героем-повествователем все нарастают. Они достигают пика в вопросе повествователя: «Ты в бога-то веришь?» — от которого шорник пытается укрыться в ворохе прибауток, как Клим Самгин в своей «системе фраз». Вопросы о людях и жизни раздражают его: «Я тебе удостоверяю: о себе думай. <...> А спрашивать будешь — тебе такого наврут, до смерти не распутаешь». Однако индивидуалистическая жизненная философия опрокидывается горькими мыслями шорника о своем недалеком будущем: «Мне, мил друг, не до богов, у меня вот ноги отнимаются. Ну, и — тревожно душе: куда пойдешь, где сядешь, как отнимутся ноги-то? Работал полсотни лет, а ни хрена нет...» От беспокойного, «наянливого» собеседника он пытается побыстрее отделаться: «...как-то сразу — точно в воду нырнул — спрятался в сон» [12, т. 20, с. 393–394].

Рассказ «Экзекуция» посвящен теме крестьянского бунта. В нем отчетливо выделяются три части: развернутая экспозиция, описание бунта и расправа с крестьянами — экзекуция.

Обстоятельная экспозиция рассказа складывается из детального описания тяжелых условий жизни в деревне Дубовка и ряда выразительных характеристик отдельных крестьян. В них содержатся многочисленные зерна конфликтов. Как и в рассказе «Шорник и пожар», Горький показывает, что противоречия залегают глубоко внутри системы отношений крестьян между собой и с власть имущими.

Писатель прибегает к приему контрастной характеристики. Так, описывая деревенского «мудреца», защитника Севастополя солдата Еракова, «человека гордого, уверенного в своей мудрости», Горький пишет, изумляя читателя в завершение обманчиво положительной характеристики персо-

нажа: «Прилепился он на околице деревни в хорошей избе с большим огородом, имел десять колодок пчел, любил читать псалтырь по усопшим, учил людей правилам хорошей жизни и терпеть не мог детей. В огороде у него работали бабы-соседки и старуха, вторая его жена, забитая героем до полной глухоты» [12, т. 20, с. 396].

Похожий эффект, но с прямо противоположной целью достигается в описании другого «мудреца», Сераха Девахина: «...портной, птицелов, охотник, мужик дикого вида: широкоплечий, но сутулый и плоскогрудый, как будтно раздавленный. ...Был чрезмерно волосат... Портной, а сам одевался неряшливо, в какие-то грязные и рваные лохмотья... <...> Странно было видеть на узком лице Сераха большие и очень красивые синеватые бабьи глаза, его глухой тяжелый голос и дикий вид никак не совпадали с мягкой улыбкой этих глаз» [12, т. 20, с. 397]. Противопоставляя деревню и город, этот симпатичный автору герой рассуждает об особенностях деревенского уклада жизни: «В городе человек может цену себе поднять, а здесь: ты — на гору, сосед — за ногу. Вот Лобов начал сад разводить, а вы, ядрит вашу долю, все посадки у него выдергали. У нас состязание неправильное: состязаются для того ради, чтоб один выше другого не лез, все должны одинаково картошку есть» [12, т. 20, с. 398].

История Христины Левашовой, рассказанная вслед за этим, подтверждает его точное наблюдение: «В прошлом жизнь ее была несчастная... <...> ...А потом она вдруг явилась, солидная, красивая, с нахмуренным лицом, дерзкая на слово». Отказала в сватовстве лавочнику Белкину, дала отпор тем, кто пытался ее ограбить и навредить ей. «Христину оставили в покое, но еще более крепко невзлюбили. — “Под барыню живет, сука!”» [12, т. 20, с. 398–399].

Описывая далее бунт дубовских крестьян, проигравших судебные тяжбы с монастырем и помещиком Красовским, автор показывает, что непосредственным поводом для стихийной вспышки массового гнева стал не внешний конфликт, а внутренние противоречия. На сходе, благодаря Сераху и Христине, выясняется, что деньги, собранные деревней на адвоката, лавочник и урядник делили между собой. Толпа в ярости избивает урядника, громит и грабит лавку Белкина. Затем остатки утихающего гнева выплескиваются на помещика Красовского.

Завершается «Экзекуция» сценой расправы с бунтовщиками. Генерал-губернатор, прибывший на место происшествия с командой солдат,

распоряжается поставить всех деревенских на колени и выпороть их. Унизительное и жестокое наказание уже раскаявшихся и испуганных собственной вспышкой крестьян не может не вызвать протеста, который принимает гротескные формы: Серах, получивший свои сорок ударов, «вдруг громко, с треском выпустил кишечный газ в сторону губернатора», приятель Сераха Лобов указывает закончившим «экзекуцию» солдатам «короткую» дорогу в болото [12, т. 20, с. 418, 421–422].

Рассказ с ироническим заглавием «Орел» посвящен описанию суда в уездном городе Мямлине, который земский начальник «правит» над крестьянами из окрестных деревень. Рассказ начинается с выразительного описания здания канцелярии земского начальника, дома, «похожего на сарай»: «Он обшит тесом и когда-то давно был выкрашен рыжей краской, но ее смыли многие дожди, выжгло солнце, в дряхлое дерево глубоко въелась долголетняя пыль и окрасила его в свой пепельно-грязный цвет. Но кое-где на коже дома еще остались ржавые пятна, похожие на кровоподтеки после ударов. Очень старый дом. Он уже запрокинулся во двор, и тусклые стекла окон его как будто хотят взглянуть в даль неба, точно им надоело смотреть на железную решетку ворот кладбища и на кресты над могилами за решеткой» [12, т. 20, с. 423].

У этого здания крестьяне проводят часы томительного ожидания в напрасном чаянии справедливого суда: «Иногда земского ждут час, и два, и пять», — часто только для того, чтобы услышать, что «сегодня земский не приедет». «Наши дни для него без цены… — сокрушаются крестьяне. — Сидим, как пленные турки…» [12, т. 20, с. 424–425].

Сама сцена суда и образ судьи выполнены в гротескно-сатирическом ключе. Очевидны глупость «творца справедливости, раздатчика “правды и милости”, которые должны “царствовать в судах”» [12, т. 20, с. 428], его неспособность и нежелание вникнуть в просьбы и жалобы крестьян, его самолюбование и своекорыстие.

Обстоятельства суда позволяют показать взаимные претензии крестьян, их жалобы друг на друга, конфликты богатых мужиков с теми, кого они обирают. «Знаю я вас! — вещает земский начальник. — Сутяги вы, кляузники, ябедники. Зависть грызет вас, вот что! Вот вы — судитесь. С кем? Все — с богатыми. <…> Вы должны признать: богатый мужик — это умный мужик. Он богат, потому что умен. Он — опора власти, опора царя, да!» [12,

т. 20, с. 430]. В рассказе изображаются двое богатых, Волокушин и Бунаков. Голос из толпы дает им однозначную оценку: «Оба вы ненасытные мироеды!» [12, т. 20, с. 436].

«Глас народа» выносит свой вердикт и земскому, внезапно покидающему судилище по получении письма из Мурзина: «В Мурзино-то к предводительше дворянства помчался. — Известный прихвостень бабий <...>. На законах-то — как на балалайке играет, орел-то» [12, т. 20, с. 437, 439].

Выразительный штрих к изображению суда и земского начальника — история спящей у колодца бабы с младенцем на руках. Спросив, что ей надо, земский получает ответ своего помощника: «Пелагея Ямщикова. Муж имеет четыре года тюрьмы за убийство. У нее отобрали душевой надел». Несчастную женщину будят после поспешного отъезда земского начальника. Ее отчаянный вопль: «Господи, опять нет мне решения? Что же это? Когда же?» — и плач ее ребенка заставляют всех поспешно разойтись [12, т. 20, с. 430, 438–439].

Завязка сюжета рассказа «Бык» — внезапная смерть помещика, не успевшего расплатиться с крестьянами за работу. Его наследник, не имея наличных денег, отдает им породистого быка, стоимость которого вполне может возместить этот долг. Однако бык попадает в руки «трех отменно жирных» — старосты Ковалева и его приятелей Кашина и Слободского. Вокруг содержания и продажи быка разворачивается напряженная интрига. Деревенская верхушка обманывает односельчан, лишая их заработанных денег: половину они присваивают себе, другую направляют на покрытие недоимок, числящихся за деревней. Протесты глушат общей выпивкой, угрозами и побоями.

Вторая сюжетная линия рассказа связана с деревенским учителем, умирающим от чахотки. Молодой учитель, в городском пальто, с нарочито книжной речью, воспринимается мужиками как инородное существо. Только дети уважают его. Остальные остаются равнодушными, когда Кашин при общем молчаливом попустительстве забирает под «хлевушок» для быка древесину, предназначенную для ремонта школы, и хворост, собранный учителем для себя. Никому нет дела, что «комната для учителя при школе обгорела год тому назад, и ее все еще не собрались починить» [12, т. 20, с. 450]. Кашин при каждом удобном случае норовит поучать учителя, унижает его.

Реакция деревенских жителей на смерть учителя от чахотки характерна: «В скучной жизни и смерть — забава» [12, т. 20, с. 465]. Над телом — распря, кто должен оплачивать похороны: Рогова, у которой он снимал жилье, или староста деревни из общих средств. На похоронах разваливается гроб: гвоздей не хватило, доски «старые, рухлые»; нет копеечек положить на глаза покойному. Едва похоронив учителя, мужики угрозами вымогают деньги у Роговой, в то время как всеобщая попойка в деревне прикрывает аферу Кашина с быком.

В рассказе рассеяно множество упоминаний о взаимной розни и враждебности: повитуха и знахарка, «сытенькая старушка» Малинина за что-то люто ненавидит Татьяну Коневу; в деревне не любят Рогову за резкий характер, скупость и удачливость; староста злится на обнищавшие семьи недоимщиков, «великую обузу» для деревни, мечтая выселить их куда-нибудь на пустующие земли, хоть в Сибирь.

Особо выделен проходной, с сюжетной точки зрения, эпизод. Староста Ковалев обходит недоимщиков, заглядывает в избу к Татьяне Коневой, ожидая увидеть в ней тесноту и грязь: «...но в избе было просторно, пол вымыт и выметен, стены обмазаны глиной <...> густо побелены <...> стол выскоблен, постель прибрана, и все — как будто накануне праздника. И дети — чистые» [12, т. 20, с. 461–462]. Староста неприятно поражен этой чистотой в доме нищей женщины, оставшейся одной с детьми и вынужденной просить милостыню: «Неприятно было вспомнить, что у него дома три бабы: мать, еще бодрая старуха, жена, суетливая и задорная, сестра жены, старая дева, плаксивая и злая, а в доме грязновато, шумно, дети плохо прибраны...» [12, т. 20, с. 462].

Горький показывает мир, в котором люди — одни одержимые наживой, другие измученные нуждой, и почти все отравленные завистью, — становятся врагами друг другу. Возможно, истерзанная коллективизацией русская деревня нуждалась в более милосердном слове, нежели эти безрадостные картины. Однако Горький помнил и показал деревню именно так. Подозрительно-недоверчивое отношение его к русской дореволюционной деревне, в сущности, не изменилось в 1930-е гг.

Рассказы сильны художественной правдой, талантом и искренностью автора, несмотря на явно идеологическую задачу напомнить крестьянам, насильственно загнанным в колхозы, о драматических противоречиях

в жизни деревни до революции. Эти произведения написаны рукой мастера, дают представление, на каком жизненном опыте и материале писатель строил свои прямолинейные публицистические высказывания, а также насколько Горький-художник сильнее и убедительнее Горького-публициста, во всяком случае, в 1930-е гг. и, в частности, в крестьянском вопросе.

Справедливо высокую оценку дал этим произведениям писатель И.М. Касаткин в письме Горькому от 2 февраля 1936 г.: «...впервые сейчас читаю и перечитываю новые Ваши рассказы: "Экзекуция", "Орел", "Бык", — и, радуясь, волнуюсь, хохочу, плачу... Волнует мастерство. Радует неожиданность, новизна взятой темы. В голос хохотал я над исполнительным мужиком — "следственно", "первоначально", "артикехтер"... Жалостна до жути эта спящая баба у колодца с ребенком, "по животу ползали мухи"... Страшен этот серый учитель в шапке, оседающей на глаза, в огромных валенках, походя умирающий. И большое и малое во всех рассказах как-то по-особому, невыразимо живо, глубоко и прозрачно слажено! И нигде об этих рассказах я не встречал ни слова. А о них, как о новом мотиве Вашего творчества, надо бы написать книгу...»[2].

Все четыре рассказа для журнала «Колхозник» были уже написаны, напечатаны или сданы в печать, когда в феврале 1935 г. стала приобретать реальные очертания идея большого издательского проекта «История деревни». В ее составе планировалась литературно-художественная книжная серия «Библиотека колхозника», задуманная еще на этапе подготовки первого номера «Колхозника», о чем свидетельствует письмо Горького М.М. Пришвину от 20 июня 1934 г.: «...при журнале будет выходить библиотечка для колхозников <...>. Не дадите ли Вы листа 3–4 Ваших рассказов?» [11, т. 30, с. 351–352].

Работа над планами «Библиотеки...» была поручена В.Я. Зазубрину, заведовавшему литературно-художественным отделом журнала «Колхозник». В серии планировалось издать ряд сборников произведений русских писателей XIX – начала XX вв. о русской деревне. Завершать серию должен был сборник произведений Горького. Предполагалось, что это будет новая книга писателя, написанная им специально для «Библиотеки колхозника».

2 Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-п 34-16-53. Не полностью напечатано в примечаниях к рассказу «Орел», подготовленных Э.Л. Ефременко [12, т. 20, с. 627].

В первом примерном плане «Библиотеки колхозника», составленном Горьким, его произведений не значилось [9, с. 430]. На включении в серию горьковского сборника, скорее всего, настоял В.Я. Зазубрин. Будучи редактором литературно-художественного отдела «Колхозника» и испытывая серьезные трудности с подбором материала [5, с. 130], он был крайне заинтересован в рассказах Горького. Составляя первые номера журнала, Зазубрин рассчитывал, что будет получать рассказы Горького для каждого номера, что обусловило бы интерес к журналу, подняло бы его статус. Но Горький Зазубрина не обнадежил, пообещав написать рассказы только для первых двух-трех номеров [9, с. 406–407], что и было им сделано.

И тогда в письмах Зазубрина Горькому возникает и настойчиво развивается идея цикла рассказов, а затем и большой книги о старой деревне.

1 октября 1934 г. Зазубрин писал: «...Ваш рассказ “Экзекуция”, который Вы почему-то назвали очерком, мне весьма понравился. Главное, что бросается в глаза — исключительная четкость рисунка — все видно. Нет ни одного безликого человека. У каждого свои черты. Лаконизм, с которым все герои изображены, даже огорчил меня. Писатели, вроде Вас, ограбили более молодых литераторов лет на триста вперед. После Вас писать, все равно, что сеять по сеяному. <...> Я очень, конечно, рад, как редактор литотдела, что Вы столь активно работаете в журнале. Мне кажется, что Вам следует написать еще несколько рассказов подобного же типа, и тогда в нашей литературе появится новая отличная книга о старой деревне» [17, с. 343][3].

В письме от 3 января 1935 г. Зазубрин вновь вернулся к этой теме: «Я считаю, что Вы начали прекрасный цикл рассказов о старой деревне и только еще подходите к написанию вещи, которая будет кульминационной во всем Вашем сборнике на эту тему. Я это почувствовал, когда прочитал “Быка”. “Бык”, по-моему, выше трех предыдущих рассказов. После “Быка” я вдруг увидел и “Шорника”, и “Экзекуцию”, и “Орла” как части единого целого, как куски горестной и негодующей поэмы о нашей старой, бестолковой, беспомощной и нищей Расее. И вот страстно мне захотелось просить Вас писать еще и еще об этом же, чтобы раз и навсегда положить печать презрения и гнева на всю нашу прошлую окаянную деревню. Простите меня, но, может быть, Вы сами еще не осознали, какая у Вас большая (не по раз-

3 Письмо ошибочно датировано адресатом 1 октября 1935 г. «Экзекуцию» Горький отправил Зазубрину для журнала в двадцатых числах сентября 1934 г.

мерам) может получиться книга. Рассказов шесть надо еще дать Вам непременно» [17, с. 351][4].

Когда началась работа над «Историей деревни», Зазубрину, вероятно, удалось убедить Горького в необходимости написать цикл или книгу рассказов. 16 мая 1935 г. в большом письме Горькому, целиком посвященном «Библиотеке колхозника», Зазубрин писал: «По-моему, основными авторами в “Библиотеке” должны быть двое — М. Горький и А. Чехов. <...> Книга М. Горького, находясь в какой-то близости с книгами Чехова и Бунина — отражение дореволюционной деревни, — должна дать и нечто большее. Она должна поднять читателя Чехова и Бунина на более высокую ступень. Вы ведь пишете в другую эпоху, и Вам виднее. После прочтения Вашего “Быка” <...> я писал Вам, что Вы подходите к кульминационному пункту всего цикла задуманных Вами деревенских рассказов. Я не ошибся, в разговоре потом Вы сказали о повести, в которой будет история деревни нашей с ее пожарами, морами и голодами. Я теперь понимаю, что этот Ваш сборник с этим именно итоговым рассказом совершенно необходим не только для “Библиотеки колхозника”. Вы должны его написать, Алексей Максимович» [9, с. 416].

Разговор о новой повести Горького, «в которой будет история деревни нашей с ее пожарами, морами и голодами», мог состояться 16 апреля 1935 г., на установочном заседании редакции «Истории деревни» [9, с. 427–429], вскоре после которого 18–19 апреля 1935 г. Горький уехал из Москвы в Крым [16, вып. 4, с. 476].

К следующему большому совещанию редакции «Истории деревни» 1 августа 1935 г. Зазубрин подготовил план «Библиотеки колхозника». В нем, в разделе «Книги в работе», отдельным пунктом значилось: «М. Горький. Предполагается дать отдельную книгу. Сборник рассказов, объемом около 10 п. л.»[5].

Резюмируя итоги состоявшегося 7 августа 1935 г. заседания бюро критиков и литературоведов, посвященного «Библиотеке колхозника», газета «Вечерняя Москва» сообщала: «А.М. Горький обещает заключить эту серию новой специально написанной книгой, которой он намеревается как бы подвести итог многовековой истории русского мужика» [8].

4 В публикации ошибочно указан 1936 г. Несколько неточностей исправлены по авторизованной машинописи (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-п 28-27-60).

5 Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-изд 24-2-12.

В письме Зазубрина Горькому от 16 октября 1935 г. книга Горького уже имеется в предварительном списке сборников серии [17, с. 344]. На совещании комментаторов «Библиотеки колхозника» 16 января 1936 г., после обсуждения замечаний Горького к плану серии, было принято решение расширить состав «Библиотеки...» до 13 сборников и сделать книгу Горького заключительной. Комментатором и автором вступительной статьи к этому сборнику значились сначала Н. Осинский (В.В. Оболенский), затем В.А. Десницкий[6].

Включение в состав книги Горького рассказов, напечатанных в журнале «Колхозник», выглядит очень вероятным, хотя до составления содержания сборника дело так и не дошло, при том, что каждый автор в проспекте серии представлен конкретным перечнем произведений.

Работая с планами «Библиотеки колхозника», Горький сделал множество помет и исправлений, однако ни разу не вычеркнул и не поставил под сомнение сборник своих произведений. Это вполне можно считать подтверждением его намерения. Более того, он, по-видимому, приступил к работе над повестью, о которой говорил Зазубрину в апреле 1935 г. Начало повести сохранилось в его архиве и включено в состав Полного собрания сочинений писателя под условным заглавием по первой строке «Село Комарово когда-то расположилось...» [12, т. 20, с. 500–518].

В черновом автографе сохранилось название «Овраг» [13, т. 6, с. 364], явно отсылающее к повести А.П. Чехова «В овраге», о которой Горький в 1900 г. написал восторженную рецензию [11, т. 23, с. 313–318]. Название «Овраг» не было перенесено в беловой автограф, хотя вполне оправдано первыми же строками, символичным описанием метоположения села: «Село Комарово когда-то расположилось в устье реки, по берегам ее, но река давно уже прорыла себе другое русло <...> на ее месте остался крутобокий овраг <...>. По дну оврага струился скудный ручей <...> а река лениво ползла мимо Комарова» [12, т. 20, с. 500].

В произведении уже на уровне пространства показано имущественное расслоение села: «Две улицы — два конца — села, соединяясь на берегу реки, дальше расползались каждый по своей линии. <...> Солидные избы Верхнего конца и три каменных дома смотрели окнами на реку и в лес, а из-

6 Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-изд 24-2-12, 16, 21, 22, 29.

бенки Нижнего конца стояли боком к реке, тянулись от нее в овраг, как бы желая спрятать в нем свою ветхость и неприглядность, растрепанную, потемневшую солому крыш, косые окна, раздерганные плетни дворов и огородов. Концы жили не очень дружно, как два народа, один — победитель, а другой — побежденный» [12, т. 20, с. 500–501].

Стилистически и композиционно начало повести близко к рассказам Горького для журнала «Колхозник». Экспозиция прямо перекликается с рассказом «Экзекуция»: описывается село Комарово, условия жизни в нем, дается ряд кратких, но выразительных характеристик действующих лиц.

Особенно ярко и подробно обрисованы два героя: бойкая и красивая Сашка Дамка и мальчик Петр Новоселов. Скорее всего, с ними в дальнейшем могли быть связаны основные сюжетные линии. Завязка одной из них содержится в тексте. Гибель отца Пети Новоселова в каменоломнях богатого мужика Денисова — последнее событие в сохранившемся начале повести.

Действие происходит в годы Первой мировой войны, так что повесть, будь она написана, вполне обоснованно и логично замыкала бы собой тему русской дореволюционной деревни в русской литературе XIX–XX вв.

Одним словом, в архиве писателя сохранилось многообещающее начало повести. Однако продолжения не последовало. Горький стремился в первую очередь закончить «Жизнь Клима Самгина». Выход книг «Библиотеки колхозника» постоянно откладывался, и это позволяло ему не спешить со своим сборником, завершающим серию.

Итак, к середине 1930-х гг. относится начало новой темы в творчестве Горького, не получившей развития в силу ряда обстоятельств. Готовность писателя создать новую книгу художественных произведений специально для «Библиотеки колхозника» свидетельствует об огромном значении, которое он придавал издательскому проекту «История деревни». Сборник его произведений, будь он дописан, мог органично вписаться в книжную серию «Библиотека колхозника», завершив эволюцию крестьянской темы в русской литературе XIX – начала XX вв., какой она виделась Горькому.

Список литературы

Исследования

1 *Журавлев С.В.* Источники о начинаниях А.М. Горького 1930-х гг. «История городов» и «История деревни» // Историческое краеведение. Пенза: Департамент культуры, Пенз. гос. объед. краевед. музей, 1993. С. 267–279.

2 *Зайцева Г.С.* Горьковский замысел «Истории деревни» // М. Горький и революция. Горьковские чтения-*Примочкина Н.Н.* Трагическая ошибка Горького // Молодая гвардия. 1991. № 3. С. 258–268.

3 *Примочкина Н.Н.* Трагическая ошибка Горького // Молодая гвардия. 1991. № 3. С. 258–268.

4 *Спиридонова Л.А.* А.М. Горький: диалог с историей. М.: Наследие, Наука. 1994. 319 с.

5 *Суматохина Л.В.* М. Горький и писатели Сибири. М.: ИНФРА-М, 2013. 237 с. DOI: 10.12737/412

6 *Сухих С.И.* Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород: Поволжье, 2007. 216 с.

7 *Чуваков В.Н.* «Колхозник» // Очерки истории русской советской журналистики (1933–1945). М.: Наука, 1968. С. 152–169.

Источники

8 «Библиотека колхозника» // Вечерняя Москва. 1935. № 185. 13 августа. С. 3.

9 М. Горький и советская печать // Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1965. Т. 10, кн. 2. 502 с.

10 *Горький М.* О русском крестьянстве / публ. и коммент. И.А. Ревякиной // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 228–254.

11 *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1956.

12 *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1968–1976.

13 *Горький М.* Полн. собр. соч. Варианты к художественным произведениям: в 10 т. М.: Наука, 1974–1982.

14 *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 1–21. М.: Наука, 1997–2019.

15 *Короленко В.Г.* Дневник: в 4 т. Полтава: Гос. изд-во Украины, 1926. 352 с.

16 Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1958–1960.

17 Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1972. Т. 2. 446 с.

References

1 Zhuravlev, S.V. “Istochniki o nachinaniiakh A.M. Gor’kogo 1930-kh gg. ‘Istoriia gorodov’ i ‘Istoriia derevni’.” [“Sources about the Beginnings of A.M. Gorky in the 1930s. ‘The History of Cities’ and ‘The History of the Village’.”]. *Istoricheskoe kraevedenie* [*Local History Studies*]. Penza, Departament kul’tury, Penzenskii gosudarstvennyi ob”edinennyi kraevedcheskii muzei Publ., 1993, pp. 267–279. (In Russ.)

2 Zaitseva, G.S. “Gor’kovskii zamysel ‘Istorii derevni’.” [“Gorky’s Idea of ‘The History of the Village’.”]. *M. Gor’kii i revoliutsiia. Gor’kovskie chteniia-90* [*M. Gorky and the revolution. Gorky Readings-90*], pt. 1. Nizhniy Novgorod, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1991, pp. 120–128. (In Russ.)

3 Primochkina, N.N. “Tragicheskaia oshibka Gor’kogo” [“Gorky’s Tragic Mistake”]. *Molodaia gvardiia*, no. 3, 1991, pp. 258–268. (In Russ.)

4 Spiridonova, L.A. *A.M. Gor’kii: dialog s istoriei* [*A.M. Gorky: Dialogue with History*]. Moscow, Nasledie Publ., Nauka Publ., 1994. 319 p. (In Russ.)

5 Sumatokhina, L.V. *M. Gor’kii i pisateli Sibiri* [*M. Gorky and the Writers of Siberia*]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 237 p. DOI: 10.12737/412 (In Russ.)

6 Sukhikh, S.I. *Zabluzhdenie i prozrenie Maksima Gor’kogo* [*The Delusion and Epiphany of Maxim Gorky*]. Nizhniy Novgorod, Povolzh’e Publ., 2007. 216 p. (In Russ.)

7 Chuvakov, V.N. “Kolkhoznik” [“Kolkhoznik Magazine”]. *Ocherki istorii russkoi sovetskoi zhurnalistiki (1933–1945)*. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 152–169. (In Russ.)